

БОГАТЫРЁВА Е.А.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ

Новая волна дискуссий о методах гуманитарных наук развернулась в последнее десятилетие XX в. на фоне обсуждений последствий широкого распространения новых (электронных) технологий коммуникации. Постановка проблемы «материальности коммуникации»¹, влияния технологий коммуникации на смысл передаваемых сообщений становится настолько устоявшейся темой в немецкоязычной философии и гуманитарных науках, что даже в учебных курсах наблюдается тенденция рассматривать, например, историю литературы с точки зрения эволюции материальных носителей коммуникации. То есть в соответствии с историко-культурной линией развития: устная речь – письмо – технические/звуковые носители коммуникации – электронные носители. Эта эволюционная цепочка подразумевается при рассмотрении факторов, определяющих изменения в сфере культуры. Характерной чертой современной культурной ситуации признаётся преобладание *визуального* начала, доминирование которого усиливается под влиянием электронных и экранных средств трансляции. Поэтому в поле зрения методологии гуманитарных наук оказываются *тексты не только вербальные, но и визуальные* и проблемы оценки *достоверности* воспроизведённых видеоизображений.

Наиболее последовательны в продвижении *проблематики новых медиа* теоретики постмодерна, поскольку в контексте *постмодернистских теорий* вопросы носителя коммуникации заменили, если можно так

¹ См.: Materialität der Kommunikation / Hrsg. von Gumbrecht H.U. und Pfeiffer K.L. – Frankfurt a. M., 1988. Обозначенная в названии этого сборника тема на протяжении двух последних десятилетий является актуальным предметом обсуждений в профессиональной литературе.

сказать, онтологическую проблематику. Речь идёт о поиске подходов к описанию реальности, воссозданной с помощью новых (электронных) средств трансляции. В качестве методологической основы её исследования рассматривают также *теорию систем* известного немецкого философа и социолога *Никласа Лумана*. В подходах к постановке проблем *достоверности* воспроизведённых изображений или успешности коммуникации ощущается влияние *аналитической философии языка*¹. Обсуждение особенностей коммуникации, осуществляемой посредством различных технических носителей, так или иначе восходит к вопросам *специфики различных типов знаковых систем*², специфики вербального и (аудио)визуального измерений коммуникации. Можно предположить, что в конце столетия актуализировалась проблема, которую ещё Ю.М. Лотман, выдающийся учёный, представитель семиотики, теоретик литературы и культуры, обозначил как «одно из устойчивых диалектических противоречий человеческой цивилизации»³, заключающееся в недоверии к знакам и знаковой культуре, с одной стороны, и в их апологии – с другой. В немецкоязычной философии и гуманитарных науках рубежа XX-XXI вв. этот аспект отношения к коммуникационным технологиям становится предметом теоретического и философского осмысления.

А что происходит с более традиционными методами гуманитарных наук, такими как *герменевтика*ⁱⁱ? Каковы её перспективы и что оказалось в поле зрения герменевтики в культурной ситуации с визуальной доминантой? Как изменяются герменевтические подходы на рубеже веков? В трёх разделах данной работы речь пойдёт о дискуссионных проблемах современной герменевтики и о возрождении интереса к таким традиционным философским проблемам, как проблемы субъективности и сознания (*1-й раздел*); о рецептивной эстетике, которая считается одним из

² Например, Ю.М. Лотман выделил два несводимых друг к другу типа знаковых систем – слова и изображения (См.: Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973).

³ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин, 1973.

ответвлений герменевтики (2-й раздел) и об одном из подходов к интерпретации письменных и визуальных текстов, который приобрёл популярность в последние десятилетия XX в., – о теориях интертекстуальности (3-й раздел).

1. Герменевтическая и аналитическая традиции

Во второй половине 1990-х гг. в трёх разных немецкоязычных изданиях появились три публикации, которые могли бы послужить введением в круг наиболее актуальных философских проблем и дискуссий о методах гуманитарных наук. Все три статьи⁴ посвящены современному положению *герменевтики* и являются свидетельством того, что современная философская мысль Германии сочетает в себе интерес к актуальным темам с подходами, присущими академической философии. Автор первой статьи – известный философ Рюдигер Бубнер – преподавал в тот период в Гейдельбергском университете⁵. Авторство другой статьи принадлежит профессору Стенфордского университета, немецко-американскому учёному Гансу-Ульриху Гумбрехту. Третья статья «Является ли субъективность “бесмыслицей”?» написана профессором Тюбингенского университета Манфредом Франком. Названные публикации очерчивают определённый контекст, в котором развернулись философские дискуссии второй половины 1990-х. Наиболее актуальной темой всё ещё оставались дебаты вокруг модерна и постмодерна. Они подразумеваются в статье Гумбрехта. Но две другие статьи в качестве темы дня выделяют соотношение герменевтики и аналитической философии. В тексте Бубнера речь идёт о двух философских традициях – континентальной и англо-саксонской. С континентальной философией автор статьи ассоциирует прежде всего *герменевтику*, а с англо-

⁴ См.: Bubner R. Gedanken über die Zukunft der Philosophie – Deutsche Zeitung für Philosophie – Brl., 1996.- Nr.5 (44), Gumbrecht H.U. Das Nicht-Hermeneutische: Skizze einer Genealogie // Die Wiederkehr des Anderen. – Zürich, 1996, Frank M. Ist Subjektivität ein «Unding»? Über einige Schwierigkeiten der naturalistischen Reduktion von Selbstbewusstsein // Bewußtsein: philosophische Beiträge / Hrsg. von S. Krämer. – Frankfurt am Mein, 1996.

⁵ Рюдигер Бубнер (1941-2007).

саксонской – *аналитическую философию*, размышляя о перспективах возможного диалога между ними. Аналитическую и герменевтическую традиции имеет в виду и М.Франк, но в связи с другими проблемами: сознания и субъективности. Традиционно они составляли предмет философии, но в 1980-е гг. вышли из интеллектуальной моды и стали рассматриваться либо в контексте методологии гуманитарных наук, либо в качестве предметов психологии, физиологии или лингвистики. На рубеже веков проблемы сознания и субъективности возвращаются в качестве самостоятельных *философских* проблем.

Статья Рюдигера Бубнера с показательным заголовком: «Мысли о будущем философии» была опубликована в 1996 г. в одном из центральных философских журналов Германии ⁶. Герменевтику и аналитическую философию автор рассматривает в качестве двух основных философских течений рубежа веков. И это в тот период, когда в немецкоязычной философии, а также литературоведении и искусствоведении, ещё актуальны дискуссии вокруг модерна и постмодерна. Основное отличие рассматриваемых течений состоит в различии их подходов к исследованию языка, речевой деятельности. Тем не менее Бубнер обсуждает возможность диалога между герменевтической и аналитической традициями. Популярность философского течения сегодня ещё не является основанием для прогнозов относительно того, какой из подходов актуализируется в будущем. По словам Бубнера, здесь вероятны неожиданные варианты *возрождения смыслов*. Вопрос о возрождении смыслов и механизмах реализации этих процессов будет интересовать не только герменевтику, но и рецептивную эстетику, и теории интертекстуальности. «Чем меньше текст кажется способным

⁶ Bubner R. Gedanken über die Zukunft der Philosophie – Deutsche Zeitung für Philosophie – Brl., 1996.-Nr.5 (44).

воспроизводить и без того известное (...), тем скорее он послужит мыслительному усилию»⁷.

Центральным понятием и основным инструментом для герменевтики является *понимание*, а для аналитической философии – *аргументирование*. Аргумент, как и понимание, предполагает коммуникативную ситуацию, предвосхищение других точек зрения, оценку условий беседы, значимости обсуждаемой темы для её участников и общности их фоновых ожиданий. Аргумент ориентирован на убедительность, подразумевает определённого адресата, сообщество, которое влияет на выбор тех или иных аргументов. Следовательно, аналитическая философия, по Бубнеру, опирается практически на те же условия и предпосылки, что и герменевтика. То есть процессы понимания и аргументирования не противоположны друг другу, а могли бы друг друга дополнять: чтобы аргументировать, принимать или опровергать сказанное, его нужно прежде понять.

Аналитическая традиция предполагает «проблемно-ориентированное» исследование, герменевтика – «историко-философское». Из арсенала аналитической философии – программы создания «идеального языка», постановка проблем функционирования языковых выражений в ситуациях повседневного общения, проблемы языковой компетенции. Но аналитическая трактовка языка не охватывает измерение ментальности, которое, по Бубнеру, остаётся в ведении герменевтики. Герменевтическое понимание ориентировано не на «улучшение теории», а на «расширение горизонта».

Создаётся впечатление, говорит Бубнер, что современная аналитическая философия продолжает искать форму знания, но это знание уже не может более рассматриваться по аналогии с естественнонаучным знанием, его невозможно «полностью объективировать», так как речь идёт о «знании нашей анализирующей и аргументирующей речевой

⁷ Ibid. S.752.

деятельности», а она связана с определённой *картиной мира*. Языку присущ «характер картины мира» («Weltbildcharakter»)⁸. Исследование языка в аналитической философии ещё не даёт ответа на вопрос, каким образом язык «раскрывает нам мир». Иначе «мы могли бы (...) путешествовать из одной картины мира в другую, меняя языковые системы... Мы могли бы тогда (...) преодолевать расхождения, существующие между культурами...»⁹. Постановки именно этих вопросов, как можно заключить из логики рассуждений Бубнера, не достаёт аналитической теории. И именно эти вопросы, касающиеся проявлений культурной специфики, вполне вписываются в рамки герменевтического подхода. Исходя из герменевтической перспективы, создаётся возможность выхода на проблемы культурных и межкультурных взаимодействий.

В каких-то аспектах аналитическая философия и герменевтика дополняют друг друга, но они не приходят к конвергенции. Как разрешается их методологический спор? Бубнер не выдвигает прогнозов на этот счёт, однако указывает на некоторое третье направление, которое в его рассуждениях напоминает традиционный элемент «синтеза». Это коммуникативные теории, под которыми, очевидно, подразумеваются теории Юргена Хабермаса и Карла Отто Апеля.

Соотношение герменевтических и аналитических традиций в современной философии сознания рассматривается в статье М. Франка «Является ли субъективность “бессмыслицей”?». Текст Франка свидетельствует о том, что проблема обоснования субъективности на рубеже XX–XXI вв. вновь оказалась актуальной и что она напрямую связана с вопросами о предмете философии и её ближайших перспективах. В своей статье Франк высказался в том смысле, что тезис о «смерти

⁸ Ibid. S.756.

⁹ Ibid.

субъекта», как и всё модное, сменяется чем-то более современным. Самосознание и субъективность, традиционно составлявшие «базисный интерес, который держал в напряжении философию модерна от Декарта до Гуссерля (и Сартра)»¹⁰, вновь оказались в центре дискуссий. Известная критика философии сознания (которую автор, судя по всему, в целом не оспаривает) не отменила того, что «самосознание всё ещё считается важным». Причины активизации интереса к проблемам сознания и субъективности Франк объясняет тем, что отказ от понимания себя как субъектов означал бы, что «мы больше вообще не сможем заниматься философией»¹¹, поскольку в поле зрения философии находится как раз то, что мы называем «ментальными феноменами».

Если под «ментальными феноменами» подразумевать только психические явления *и ничего более* (как в аналитической традиции – это уточнение не проговаривается Франком, хотя и явно подразумевается), то это будет означать элиминацию ментального, а тем самым и философии как отличной от естественных наук формы теории¹². Здесь Франк очевидно вступает в полемику с аналитической философией и с Дж. Сёрлом, с пониманием сознания в аналитической традиции. Кроме того, *философия отличается особой формой аргументации*, и её дискурс «предполагает нередуцируемую субъективность». Эта форма аргументации, по Франку, основывается не на физической каузальности и не на аналитической очевидности, а предполагает «особое описание тех сущностей, которые можно назвать субъектами аргументации. Только свободные, осознающие самих себя субъекты могли бы вступить в аргументационные игры друг с другом»¹³. И третья причина активизации интереса к субъективности кроется в том, что в ней традиционно видели «неотъемлемую предпосылку

¹⁰ Frank M. Ist Subjektivität ein «Unding»? S. 66.

¹¹ Ibid.

¹² См.: Ibid. S. 67.

¹³ Ibid. S. 68.

этики». Автор ссылается на категорический императив Канта: если относиться к субъектам как к цели, и если в то же время считать их психическими предметностями и *ничем более*, если полагать, что нет «чего-то такого, как непредметная субъективность, то этот императив теряет своих адресатов»¹⁴.

Итак, самосознание, по замыслу автора, нередуцируемо, не сводимо «к предметам или событиям». Оно дано до всякого суждения (вопреки установкам аналитической философии языка, в соответствии с которыми самосознание рассматривается как частный случай знания). Сам *способ данности самосознания* Франк называет непосредственным знакомством, непосредственным знанием. Прояснение специфики этого способа данности подпадает под юрисдикцию философии. Отсюда потребность в теоретической форме философии, обсуждающей «интересы субъективности как таковые»¹⁵. То обстоятельство, «что сознание идентично с типами психических событий (...), делает необходимой теорию, которая отдавала бы должное своеобразию этой идентичности»¹⁶. Такой теории, как следует из размышлений автора, на сегодняшний день нет. Учитывая критику философии модерна, Франк предлагает вновь обратиться к философии сознания, приводя ещё один аргумент: «Если для повседневного хода вещей (Weltlauf) безразлично, что станется с субъектами (или некоторыми живыми существами, считающими себя субъектами), то *нам* это не может быть безразлично. И для того, чтобы напомнить об этом, как я полагаю, здесь есть философия»¹⁷.

Статья известного историка литературы и культуры Г. У. Гумбрехта «Не-герменевтическое» переформатировала традиционное для второй половины XX в. методологическое противостояние в сфере гуманитарных

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. S.90.

¹⁶ Ibid. S. 89.

¹⁷ Ibid. S.90.

наук. Текст Гумбрехта даёт основания для выводов о том, что, помимо уже традиционного для второй половины столетия противопоставления герменевтики и аналитической философии, герменевтики и структурализма, а также структурализма и постструктурализма, в конце столетия возникает представление о новых принципах структурирования исследовательских приемов. В рамках этой новой системы координат герменевтической интерпретации Гумбрехт противопоставляет подходы, которые условно называет «не-герменевтическими». Он выражает сомнение в том, что герменевтика на нынешнем этапе сохраняет свои позиции в качестве центрального метода гуманитарных наук. К концу XX в. «практика интерпретирования как практика идентификации и передачи смысла утрачивает своё несомненно центральное на протяжении долгого времени положение, в то время как вопросы об условиях возможности смысла (...) или вопросы о чувственных (...) измерениях восприятия выходят на первый план»¹⁸. Генезис интерпретации Гумбрехт реконструирует следующим образом. Появившись в Новое время в качестве «жизненной формы», интерпретация трансформируется впоследствии в герменевтику «как академическую суб-дисциплину». Необходимость учитывать фигуру и положение интерпретатора привела к возникновению проблемы объективности интерпретации. А вместе с ней сложилась и та конфигурация познания, в которой параллельно сосуществуют, с одной стороны, понятийный опыт, а с другой – восприятие, связанное с телесностью. Предпосылками их различия послужила нововременная субъект-объектная схема, в которой субъект представлен как чисто духовная субстанция, а «тела» оказываются на стороне объектов. Современные тенденции преодоления наметившегося кризиса гуманитарных наук Гумбрехт видит в уже появившихся и не объединённых какой-либо «наиндивидуальной интеллектуальной

¹⁸ Ibid. S. 17-18.

программой» попытках «спроектировать модели посредничества между телесностью и опытом, понятийностью и восприятием»¹⁹. Однако сомнения в возможности герменевтики удерживать звание центрального метода гуманитарных наук не приводят к утрате ею своей традиционной популярности, свидетельством чего становится возникновение новых версий герменевтики.

Контрольные вопросы

1. Какие два несводимых друг к другу типа знаковых систем выделил М.Ю. Лотман?
2. Что общего и в чём различие между аргументацией и пониманием?
3. В чём состоит различие подходов к исследованию сознания с точки зрения герменевтики и с точки зрения аналитической философии?

2. Рецептивные теории (Вольфганг Изер)

Развитием герменевтических подходов можно назвать ряд исследований философско-культурологического и эстетико-литературоведческого характера, проводившихся в университете города Констанц (Германия). В 1970-е гг. Констанцский университет стал известен своей школой, под которой подразумевалось такое неоднородное течение, как рецептивные исследования, рецептивная эстетика. Рецептивные теории, рассматривающие *произведение искусства в связи с историей его интерпретаций*, у нас достаточно известны²⁰. Центральной проблемой, вокруг которой сконцентрировались исследовательские усилия данного (совсем не однородного) течения, стало изучение проблем читателя и процессов восприятия. С этой установкой непосредственно связана идея «*истории воздействий*» (или «*действующей истории*») того или иного произведения, отдалённого от нас исторической дистанцией.

¹⁹ Ibid. S.28.

²⁰ См.: История эстетической мысли. В 6-ти томах. Том пятый. М., 1990; Зись А.Я., Стафеецкая М.П. Методологические искания в западном искусствознании. М., 1984.

Речь идёт о жизни любого значительного произведения во времени, о его функционировании в различные эпохи и в различных культурах и о влиянии этой истории на каждый факт его «актуализации» в процессе индивидуального восприятия. В ходе рецептивной интерпретации история рассматривается как история уже осуществившихся во времени *восприятий*. Говоря обыденным языком, когда мы воспринимаем, например, классическое произведение, мы воспринимаем его со всем шлейфом ассоциаций, которые с ним связаны, со всей историей его интерпретаций, дошедшей до нас через века. Можно сослаться на пример более ранней постановки схожего вопроса, поскольку проблема историко-культурной жизни произведения во времени уже затрагивалась исследователями. Например, в датированной 1916 г. работе «О толковании художественного произведения» А. Горнфельда²¹, последователя А. Потебни, под «способом бытия» произведений искусства подразумевалась история их интерпретаций различными поколениями зрителей-читателей в разные историко-культурные периоды.

В 1970-е гг. проблема соотношения герменевтики и рецептивных подходов в немецкой эстетике относилась к числу актуальных и дискуссионных проблем. Одним из проявлений этой известности можно считать полемику Г.-Г. Гадамера с представителями рецептивной эстетики. Существо полемики изложено в известной статье Ганса-Георга Гадамера²², в которой философ оспаривал необходимость выделения исследований рецепции в самостоятельную по отношению к герменевтике дисциплину, поскольку любое понимание, по Гадамеру, является в то же время проявлением «действующей истории» (или «истории воздействий»). И поэтому у герменевтики и рецептивной эстетики, по словам философа,

²¹ См.: Горнфельд А.Г. О толковании художественного произведения // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916.

²² Gadamer H.G. Wirkungsgeschichte und Application // Rezeptionsästhetik. Hrsg. von R. Warning. München, 1975. S.113 – 125.

больше общего. Вот как определяет эту общность сам Гадамер: «Если мы стремимся понять историческое явление исходя из исторической дистанции, которая является определяющей для нашей герменевтической ситуации в целом, мы всегда уже подвержены воздействиям истории воздействий»²³. Этот же вопрос (в более широкой постановке) был затронут Гадамером и в самом известном его произведении «Истина и метод»²⁴. Остановимся на концепции одного из основателей рецептивной эстетики (рецептивных исследований) Вольфганга Изера.

Показательным можно признать то обстоятельство, что В. Изер, который известен прежде всего как представитель рецептивной теории, в самом конце прошедшего века выступал в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова с лекциями на тему: «Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание», то есть обратился непосредственно к герменевтике. В ответ на вопрос, с чем связана такая переориентировка его исследовательских интересов, Изер, в частности, сказал, что пришло время сделать интерпретацию предметом размышлений, поскольку «интерпретация является центральной деятельностью гуманитарных наук», в «результате интерпретации всегда возникает нечто, чего прежде таким образом не было»²⁵. То есть в процессе интерпретации возникает новое качество, рождающемуся в ходе интерпретации пониманию присуща новизна. Причём это обстоятельство Изер акцентирует, сопоставляя понимание и объяснение.

Процесс герменевтической интерпретации, в изложении Изера, предстаёт как самонастраивающийся механизм, как развитие коммуникативной ситуации, в рамках которой «каждый саморефлективный акт интерпретации» осуществляет «вмешательство» в

²³ Ibid. – S.113.

²⁴ См.: Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1960. В перев.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики: Пер. с нем.- М., 1988.

²⁵ Интервью с В. Изером (провела Е.А. Богатырёва) // Вопросы философии. – 2001. №11. С.92-93.

интерпретируемое содержание и, учитывая обратную реакцию, уточняется и корректируется само понимание. Что касается оценки роли герменевтики в сравнении с «не-герменевтическими» подходами, то здесь учёный замечает, что это даже «хорошо, что герменевтика приобрела ряд конкурентов, раз речь идёт об анализе современности...»²⁶. Пусть это конкуренты, ограничивающие «латентное притязание герменевтики на универсальность»²⁷, но это ограничение только способствует более глубокому пониманию интерпретации как процесса «проявления». Общее между рецептивными подходами и герменевтикой Изер видит в том, что рецептивные исследования апеллируют прежде всего к роли воспринимающего. Процесс интерпретации также предполагает активизацию реципиента-интерпретатора, поскольку является своего рода «переводом», в ходе интерпретации происходит преодоление «пробелов». Важнейшее понятие герменевтики – герменевтический круг – является, по Изеру, одним из приёмов подобного «преодоления».

Понятие «пробелов» в рецептивной концепции Изера выступает в качестве *условий воздействия* текста на реципиента: пробелы активизируют воображение и творческие усилия читателя в ходе поиска возможных версий их истолкования, («заполнения», «преодоления» в терминологии Изера). Концепция Изера рассчитана на прояснение процессов *восприятия письменных текстов* – именно они, насколько можно судить по пояснениям самого учёного, оставляют за читателем право на собственную версию «замещения» недосказанности. Что касается *визуального текста*, то здесь, по словам Изера, существуют различия между разными по своей структуре текстами. Например, существует различие между кинофильмами, созданными настоящими мастерами, которые выстраивают последовательность кинокадров таким образом,

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

чтобы оставить за зрителем возможность самому «заполнить» существующие «пробелы», и кинотекстами, которые представляют собой готовые клише, не оставляющие места зрительской интерпретации. «Если кинофильм апеллирует исключительно к восприятию, – говорит Изер, – что главным образом происходит в нарративном расположении последовательности кадров, тогда едва ли требуется активность представления. Однако чем меньше стимулируется возможность представления, тем меньше включается в игру воображение. (...) Атрофию воображения я считаю серьёзной проблемой не в последнюю очередь потому, что воображение представляет собой наш последний ресурс, к которому мы должны вновь и вновь прибегать, чтобы сохранить себя в мире»²⁸. Показательно, что сам Изер, в духе времени, привносит в описание процесса герменевтической интерпретации кибернетическую терминологию и соответствующие ассоциации, что свидетельствует о возникновении новых версий герменевтической интерпретации, включающей элементы других подходов.

Обсуждая ближайшие перспективы гуманитарных наук, Изер обращается напрямую к проблемам образования, к обсуждению образовательной роли гуманитарных наук, наук о культуре и к необходимости формирования у учащихся «культурной компетенции». Литература, в трактовке Изера, предстаёт как ресурс, необходимый для поддержания и развития важных человеческих способностей. Роль литературы и литературоведения в современном социокультурном контексте, с его точки зрения, естественным образом изменяется: «В технократически организованном и онаученном мире изучение литературы обрывает совершенно новыми задачами, которые, правда, заметно отличаются от занятий литературой, как они велись в прошлом»²⁹. Но

²⁸ Там же. С.94

²⁹ Интервью с В. Изером. С97

основная функция литературы, судя по всему, остаётся прежней: потребность в литературе связана с родовыми свойствами человека. По словам Изера, литература позволяет объяснить, «почему люди являются существами, нуждающимися в вымысле. Посредством вымыслов (Fiktionen) мы постоянно переступаем наши ограничения и используем их, чтобы планировать наш мир в общем и частном. Литература представляется в таком случае арсеналом наглядных объяснений того, в чем мы постоянно находимся; она оказывается медиумом, который поставляет основные сведения об антропологических свойствах человека». В контексте возрастающей визуализации культуры эта функция литературы особенно важна: «В информационный век, определяемый иллюстративностью (Bildlichkeit) и визуальностью, человеческая сила воображения находится под угрозой увядания, так как изображения (Bilder) в основном апеллируют к восприятию и бессознательному. Но воображение является последним действительным ресурсом человека, оскудение которого мы не можем себе позволить, так как иначе у нас не было бы больше ничего, что позволяет сохранить себя в мире. Литература же является неограниченным развёртыванием воображения, отчего занятие ею предлагается просто как тренинг воображения»³⁰.

Особенность современного литературоведения, по Изеру, состоит в том, что гуманитарные науки в целом становятся всё более культурологически ориентированными. Это требование времени, современной историко-культурной ситуации и как следствие рынка труда. Литературоведение в новой ситуации встраивается в новые, культурологически ориентированные институции. В этом структурном переустройстве гуманитарных наук Изер видит перспективы их дальнейшего развития, а также перспективы развития университетского образования. Отвечая на вопрос, как будут изменяться гуманитарные

³⁰ Там же.

науки в ближайшем будущем и какие направления исследований выйдут на первый план, Изер, на протяжении многих лет являвшийся профессором Констанцкого университета, говорит о необходимости реорганизации традиционной университетской системы. Это преобразование, по его замыслу, выразится в создании таких учебных институций, которые будут нацелены на передачу культурной компетенции. Изер употребляет именно слово «передача», а не «формирование», что подчёркивает диалогический характер такого обучения. «Ядром новых институциональных учреждений» станут «регионы или культуры», преподавать в них будут учёные различных специализаций – «литературоведы, лингвисты, историки, философы, политологи, специалисты в области медиа, экономисты, юристы, которые в тесной взаимосвязи друг с другом передают то, что можно назвать “культурной компетенцией”. Это имеет последствия также для академического обучения, в котором представители различных дисциплин предлагают совместные мероприятия»³¹. Изер сам участвовал в создании такого института в Берлинском университете им. Гумбольдта³². Задачи подобных учебных учреждений он поясняет следующим образом: «Системная структура (Verbundstruktur) таких региональных институтов будет более чем только интердисциплинарным взаимодействием; вместо этого нужно работать трансдисциплинарно, что означает находить ответы на проблемы, для которых до сих пор нет дисциплин». Знания, приобретённые в ходе обучения в подобных учебных заведениях, по прогнозу учёного, должны быть особенно востребованы на профессиональном рынке, как в административных структурах, так и в бизнесе.

Контрольные вопросы

³¹ Там же. С.96.

³² См.: Там же.

1. Что означает понятие «*история воздействий*» в рецептивной теории?
2. Чем рецептивные теории (рецептивная эстетика) отличаются от герменевтики?
3. Какие тексты, по В. Изеру, способствуют развитию воображения?

1.2. Исследования интертекстуальности (Рената Лахманн)

Такое характерное для гуманитарных наук второй половины XX в. понятие, как «интертекстуальность», проецирует любой текст на более широкий контекст культуры. Каждый текст, с точки зрения теорий интертекстуальности, в том числе и произведение искусства, предстаёт как фокус культурных и межкультурных взаимодействий, как «точка пересечения» различного рода ассоциаций, в том числе и визуальных. То есть интертекстуальность предполагает работу как с вербальными, так и с визуальными текстами³³. Поэтому в качестве приёма интерпретации любого текста интертекстуальность связана с обнаружением и демонстрацией присутствующих в тексте элементов различных культурных пластов. Мы остановимся на одном из примеров разработки интертекстуальной интерпретации на материале творчества учёного из Германии, известной славистки, теоретика литературы и культуры Ренаты Лахманн, долгое время преподававшей в университете г. Констанца. То есть речь пойдёт о вполне определённой версии данной теории, а не об интертекстуальности вообще.

В очерке развития гуманитарных наук в послевоенной Германии философ Юрген Хабермас охарактеризовал произведения Ренаты Лахманн (наряду с работами литературоведа Г. У. Гумбрехта) в качестве одного из симптомов «преодоления стагнации» в гуманитарных науках, которая, по

³³ Об интерпретации кинотекстов с точки зрения концепций интертекстуальности см.: Ямпольский М. Память Тиресия. М., 1993.

мысли Хабермаса, стала «оборотной стороной продуктивности 60-х годов»³⁴. Теории интертекстуальности посвящена одна из самых известных работ Р. Лахманн «Память и литература: Интертекстуальность в русском модернизме»³⁵. Проблема интертекстуальности исследуется в этой книге на обширном материале теории литературы и эстетики. В фокусе внимания автора – проблема смыслообразования применительно к художественной практике модернизма, интертекстуальность как метод её исследования, а вместе с тем и ситуация изменения исследовательской парадигмы (от структуралистской к постструктуралистской) в той мере, в какой модификации понятия «интертекстуальность» позволяют эту ситуацию высветить.

В споре различных подходов к работе с текстом и в обсуждении проблем смыслообразования такое пёстрое явление, как интертекстуальность, занимает пограничное положение. Вследствие этой пестроты, неоднородности, многозначности и многосоставности интертекстуальность трудно назвать течением. Если под интертекстуальностью понимать определённые исследовательские установки, а не приёмы художественной практики, то она пытается трансформировать интерпретацию в направлении преодоления линейной модели смыслообразования и выхода в многомерную систему координат, которая позволила бы учесть ассоциации разных рядов (как вербальные, так и визуальные).

Своей популярностью понятие интертекстуальности обязано прежде всего работам французской исследовательницы Ю. Кристевой, которой принадлежит сама формулировка, термин, но «авторство идеи» – за творчеством М.М. Бахтина. Тем более, что онтологическим обоснованием теорий интертекстуальности принято считать то обстоятельство, что

³⁴ См.: Habermas J. Zur Entwicklung der Sozial- und Geisteswissenschaften in der Bundesrepublik // Habermas J. Texte und Kontexte. Frankfurt a. M., 1992. S.215.

³⁵ Lachmann R. Gedächtnis und Literatur: (Intertextualität in der russischen Moderne). Frankfurt a. M., 1990.

любой текст культуры явно или косвенно связан с множеством других текстов. Эту мысль очень определённо выразил Бахтин: «Текст как своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы. (...) Два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.)»³⁶. По Бахтину, различные произведения культуры находятся в диалогических отношениях друг с другом, каждый текст таит в себе следы предшествующих текстов, его смысл реализуется на пересечении многих контекстов, и любой текст обнаруживает неисчерпаемую коннотативную многозначность. Возникает конструкция, утверждающая целую сеть опосредований. Уточнение и развитие исходных посылок зависят от установок того или иного автора, исследующего или применяющего принципы интертекстуальной интерпретации, которая превращается в способ выявления и демонстрации этой многозначности, в опыт истолкования нелинейной, многоуровневой структуры. И в этом отличие интертекстуальности от других теорий интерпретации, в частности от герменевтики.

История данного понятия, получившего широкое распространение в литературоведении, искусствоведении, философии и культурологии второй половины XX в., в разных источниках рассматривается в основном сходным образом. Как заметил один из исследователей³⁷, термин был введён в обиход в конце 1960-х гг. Ю. Кристевой с явной ссылкой на более раннее понятие «диалогичности» в работах М.М. Бахтина. При этом Кристева превратила в «интертекстуальность» бахтинскую «интерсубъективность», несмотря на то, что у Бахтина речь всё же шла о

³⁶ М.М. Бахтин. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С.475; 496.

³⁷ Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität. /Hrsg. von Broich U., Pfister M. – Tübingen, 1985.

взаимодействии личностей, стоящих за диалогическим взаимодействием текстов³⁸. Рената Лахманн упоминает о тех же источниках интертекстуальности, отмечая, что предпосылками теории Ю. Кристевой стали «интерпретация идеи диалогичности Бахтина (...) на фоне критики логоцентризма Жака Деррида и концепции языка Жака Лакана»³⁹. Помимо названных, в качестве предпосылок теории интертекстуальности называют в первую очередь теорию анаграмм Ф. Соссюра, на которую ссылалась Ю. Кристева и другие современные исследователи, а также работы представителей русской формальной школы в эстетике и прежде всего Юрия Тынянова.

Исследователи уже упоминали о методологическом кризисе гуманитарных наук как одной из причин распространения интертекстуальных подходов. Например, М. Ямпольский рассматривал интертекстуальность как результат своеобразного компромисса, возникающего в определённый момент между синхронным и диахронным измерениями исследований. Популярность этого метода он объяснял кризисом методологии («большой» теории) и необходимостью систематизации большого количества эмпирических данных⁴⁰.

Можно сказать, что актуализация теорий интертекстуальности фиксирует не только кризис методологии, но и определённые онтологические изменения. Например, трансформации речевых фигур⁴¹, которые рассматривает Лахманн, представляют собой определённую аналогию культурных процессов в более широком контексте. Речь идёт об изменении традиционных способов трансляции культурного опыта. Если

³⁸ Ibid. S.1, 8.

³⁹ Lachmann R. Gedächtnis und Literatur: (Intertextualität in der russischen Moderne). Frankfurt a. M., 1990. S. 72.

⁴⁰ «Когда большая концептуальная парадигма кончается, наступает полоса возврата к эмпирическим исследованиям, обогащенным опытом предшествующей теории». // См.: Ямпольский М. Память Тиресия. – М., 1993. – С.12-13.

⁴¹ Осуществление семантических трансформаций исследуются на материале ряда речевых фигур, таких как анаграмма, контаминация, палимпсест и других, подпадающих под бахтинское определение «языковых гибридов» (то есть явлений, возникающих на пересечении двух или более языков).

герменевтика обсуждала способы актуализации текста *другой* эпохи, *другой* культурной ситуации в настоящем, то эта *другая эпоха* и культурная ситуация не составляли секрета. Для произведения XX в. его «семантическое происхождение» не так уж очевидно. Все тексты культуры находятся в диалогических отношениях друг с другом, но по каким принципам осуществляются эти взаимодействия? Методы интертекстуального прочтения в этом смысле служат экспликации того историко-культурного контекста, с которым текст (или его элементы) могут быть соотнесены, идентифицированы. Само *выявление культурных контекстов*, к которым восходит текст, становится значимым *результатом* исследования. Искомыми «смыслами» оказываются установленные культурные аналогии. Правда, можно сказать, что выявленная цепь ассоциаций в итоге напоминает средневековую картину познания, когда приобретённое знание, следуя известным изысканиям М. Фуко⁴², сводилось к накоплению аналогий. Способна ли интертекстуальность предложить выход за пределы этих аналогий?

Статус интертекстуальности остаётся неопределённым. В том смысле, что открытым остаётся вопрос о том, образуют ли приёмы интертекстуального прочтения текстов теорию или являются технологией виртуозного обращения с интерпретируемым материалом. Область определения интертекстуальности не ограничивается только литературой, а распространяется на архитектуру, изобразительное искусство, кинематограф. Как приём истолкования интертекстуальность проявляется в демонстрации скрытых цитирований и наличия диалогических связей между очень, казалось бы, далекими друг от друга текстами. Поскольку результаты интертекстуального анализа зависят от культурного опыта и ассоциаций воспринимающего, то этот подход открывает широкий простор не только для исследователя, но и для любого реципиента. Отсюда

⁴² См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Спб., 1994.

проистекает и основная проблема теорий интертекстуальности, которая, как принято считать, разрешается в допущении следующей предпосылки. Согласно ей, восприятие, интерпретация интертекстуального явления (текста) не предполагают необходимость расшифровки замысла автора, поскольку сама проблема смысла перемещается в более широкий культурный контекст (о котором автор мог и не подозревать). Смысл текста объявляется открытой структурой, и его конструирование попадает в зависимость от культурного опыта реципиента.

Процесс интертекстуальной интерпретации начинается с непонимания, с невозможности считать воспринятое. Столкнувшись с проблемной ситуацией невозможности понять воспринятое, реципиент стремится найти «точку опоры» в виде аналогии в знакомом ему материале. Такой точкой опоры оказывается опознанная цитата, ссылка, реминисценция. В результате цепь рассуждений разворачивается нелинейно. Схема, в соответствии с которой осуществляется умозаключение, напоминает один из речевых тропов. В философской и культурологической литературе уже был проанализирован парадигмальный методологический сдвиг, в результате которого на рубеже 1970–1980-х гг. «как преобладающий код для объяснения феноменов западной культуры» стала использоваться «фигура аллегии»⁴³. Схема интертекстуальной интерпретации напоминает и её функционирование. Но констатация этого факта не даёт достаточных оснований для ответа на вопрос о познавательном значении интертекстуальности и о том, как осуществляется переход к новому знанию в соответствии с интертекстуальной интерпретацией. Функционирование данной фигуры речи в современной культуре привело исследователей к выводу о том, «что аллегория – это отнюдь не обычное иносказание, а очень сложное сигнификативное средство, цель которого сводится к тому, чтобы выявить

⁴³ Клименкова Т.А. От феномена к структуре. М., 1991. С.69.

в итоге сам знаковый процесс. Т. е. речь в аллегории идёт отнюдь не о познавательных ассоциациях, а о некотором специфическом “перевёртывании”, превращающем отдельные конкретные значения в цельную и законченную коллекцию знаков»⁴⁴.

В работе Р. Лахманн механизмы интертекстуальности рассматриваются на примере анализа литературных текстов, в основном произведений русской литературы XIX - начала XX вв. Ключевым для её исследования является представление о *типах и способах* взаимодействий с культурной традицией, выраженное в понятии *памяти*. С моделями памяти, которым соответствуют определённые «культурные контексты», связаны выделенные в книге Лахманн *типы интертекстуальности*. На материале произведений русской литературы исследовательница стремится «раскрыть до того скрытые или по-другому прочитанные стратегии смыслообразования»⁴⁵, а также уточнить содержание самого понятия «интертекстуальность».

В системе координат, заданной упомянутым выше⁴⁶ противопоставлением герменевтической интерпретации и «негерменевтических» подходов, интертекстуальность является такой разновидностью интерпретации, которой присущ также момент «непосредственного усмотрения» (обнаружения проявляющихся в тексте знаков, указывающих на присутствие иных культурных традиций). *Опознавательный знак*, который для читателя (зрителя) является сигналом наличия в произведении второго измерения, «зримо» присутствует в тексте и служит импульсом к разворачиванию процесса интертекстуальной интерпретации. Интертекстуальность предлагает тем самым объединение вербальных и визуальных знаков в одной модели. Такой сигнал проявляется в самой форме высказывания, указывая на его

⁴⁴ Клименкова Т.А. Указ. соч. С.70.

⁴⁵ Lachmann R. Op. cit. S.8.

⁴⁶ В статье Гумбрехта «Не-герменевтическое».

амбивалентность (это качество текста возникает в результате «двойного кодирования»). Как поясняет Лахманн: «Диалог с культурой, включение текстов прошлого в новую текстуальную взаимосвязь осуществляется с помощью методов утаивания, построения структур, которые очевидны и одновременно латентны, посредством пересечения двух кодов, то есть посредством двойного кодирования»⁴⁷. Оpozнание этого сигнала провоцирует поиск текста-предшественника. Однако само наличие «процедуры опознания» выводит интертекстуальность за пределы традиционной интерпретации. Возникший смысловой «пробел», «разрыв», преодолевается скорее *интуитивно*. Процесс поиска текста-предшественника зависит от культурного опыта исследователя. Об определённых принципах поиска *интертекста*, о методе, сравнимом, например, с герменевтическим кругом, речь не идёт. И в этом состоит одна из основных проблем интертекстуальности как исследовательского подхода. В концепции Лахманн эта проблема сглаживается тем, что автор рассматривает интертекстуальность как своего рода *интегративный метод*, предполагающий применение разных способов работы с текстом.

Отмечая многозначность понятия «интертекстуальность» (которое проявляется как в художественной практике, так и в теории) и различая уровни его проявления, Лахманн формулирует ряд предварительных вопросов, относительно которых теоретики интертекстуальности не дают однозначных ответов. В числе поставленных вопросов: Можно ли назвать интертекстуальность категорией, которая обозначает «всеобщее измерение текстов» или этот термин «следует употреблять ограниченно, в смысле чистой категории описания для текстов, чья структура организована посредством интерференции текстов или элементов текста»? Или же это понятие наделено только «литературно-критическим потенциалом»⁴⁸?

⁴⁷ Lachmann R. Op. cit. S.11.

⁴⁸ Lachmann R. Op. cit. S.56.

В качестве предварительного ответа на поставленные вопросы исследовательница формулирует вывод о принципиальной и неустранимой *поливалентности* рассматриваемого понятия и предлагает рассматривать его в трёх основных измерениях. «Три перспективы интертекстуальности», которые выделяет Рената Лахманн, – это «теоретико-текстовая» (“texttheoretische”), описательная (“textdeskriptive”) и литературно- или культурно-критическая (“literatur- bzw. kulturkritische”) перспективы. Они задействуют разные подходы к интерпретации. Так, «теоретико-текстовая» перспектива включает элементы мифопоэтики, заданные самим автором, то есть указывает на осознанную *установку автора* произведения, который сознательно цитирует другой текст. Речь идёт о ситуациях, в которых цитата зашифрована в тексте произведения, поэтому восприятие данного произведения подразумевает считывание ссылки и расшифровывание авторских интенций. Истолкованная таким образом интертекстуальность перекликается с герменевтической интерпретацией. Следующая перспектива интертекстуальности – «аналитико-текстовая» (“textanalytische”) разворачивается уже на уровне исследования и разработки описательного аппарата и подразумевает привлечение методов риторики и семиотики для описания «специфических стратегий интертекстуальности и их функций». Эта перспектива явно предполагает привлечение структурных методов анализа текстов. При этом Лахманн оговаривает необходимость отличать «интертекстуальность, которая организует поверхности текста, от латентной, которая не смешивает поверхности текста и всё-таки определяет смыслообразование»⁴⁹. И на завершающем этапе интертекстуального исследования «должна быть решена проблема смыслового комплекса, к которой (...) приближаются все аналитические опыты»⁵⁰, то есть речь идёт о синтезирующей функции.

⁴⁹ Lachmann R. Op. cit. S.57

⁵⁰ Ibid.

Оговаривает Лахманн и необходимость различать интертекстуальность самого произведения и рецептивную интертекстуальность.

Значимость роли воспринимающего в процессе интертекстуальной интерпретации подчёркивается особо: читатель откликается на сбой, на «разрывы и несовместимости», в роли которых выступают определённые фигуры речи – тропы; фиксирует «отклонение» «от нормы данного текстового континуума»⁵¹. То есть реагирует на заключённое в тексте послание. Но «алгоритм» этой реакции, то есть обоснованность апелляции к тому или иному культурному пласту, к той или иной традиции, остаются непрояснёнными. Собственно, этот же вопрос имел место и в отношении структурных методов, и в отношении герменевтики.

Опознавательный знак, который указывает реципиенту на наличие в тексте цитаты и служит импульсом к «расшифровке», Лахманн называет «референтным сигналом». Сигналом является отклонение, сбой, с которыми сталкивается восприятие, и которые позволяют обнаружить присутствие в тексте интертекстуальных структур. В рецептивной теории В. Изера аналогичную роль⁵² условия воздействия произведений на реципиента выполняли такие элементы текста, как «пробелы» и «неопределённости». Их назначение объяснялось стимулированием читательской фантазии, поскольку «диалектика показа и умолчания представляет собой центральный побудительный момент для коммуникативного процесса...»⁵³. Положение об участии в процессе смыслообразования «компонентов неопределённости» можно найти уже у родоначальника феноменологии Э. Гуссерля, который отмечал, что «единство смысла» чревато пустотными компонентами (Leerkomponenten) и компонентами неопределённости (Unbestimmtheitskomponenten)⁵⁴.

⁵¹ Ibid. S.80.

⁵² С той разницей, что интертекстуальность предполагает межтекстовые взаимосвязи.

⁵³ Iser W. Im Lichte der Kritik // Rezeptionsästhetik. Theorie und Praxis. – München, 1979.- S.325.

⁵⁴ Husserl E. Husserliana Bd.III. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Haag, 1950. S.338.

К своеобразию постановки проблемы интертекстуальной интерпретации у Р. Лахманн можно отнести и вопрос о том, как осуществляется *актуализация семантического и эстетического потенциала*, то есть каким образом *то, что некогда «выпало» из культурной памяти*, обретает новую жизнь в новом историко-культурном контексте. Тем самым она ставит вопрос о *возможностях, условиях и механизмах актуализации* того, что однажды осуществилось в горизонте культуры. Речь идёт о фундаментальных вопросах взаимодействия с культурным опытом, о поиске ответа на вопрос о том, каким образом произведение, актуальное в одной историко-культурной ситуации, в другую эпоху может оказаться на периферии или вовсе «исчезнуть из виду». И каким образом, при каких условиях возможно его возрождение, каковы механизмы его актуализации?

Ход, который предпринимает Лахманн в поисках ответа на этот вопрос, представляется довольно показательным и несколько неожиданным. При всём доверии к структурным методам исследования, она полагается скорее на *масштаб фигуры автора*. В конечном счёте оказывается, что именно *автор* осуществляет диалог с традицией. Не случайно действующими лицами в исследовании Лахманн выступают крупнейшие русские писатели, *классики и неоклассики*, как называет их сама исследовательница. Благодаря их деятельности, как можно заключить из ряда положений книги, реализуется «выбор смыслов» из памяти культуры, происходит расширение культурного опыта и выход за пределы бытующих культурных норм. Собственно, в этом и заключается *механизм*. Предложенная трактовка деятельности *автора-писателя* не является напоминанием о кантовском гении, задающем образцы. Лахманн постоянно подчёркивает, что автор не предопределяет жёстко путь, по которому вслед за ним должен следовать читатель. И тем не менее одна с древности неразрешимая проблема обнаруживает себя и в этой

формулировке. Создаётся впечатление, что таким образом актуализируется проблема сосуществования предопределения и свободы воли.

В качестве объяснения предполагаемой слаженности в действиях автора и читателя Лахманн формулирует идею «незавершимого семиозиса, который не позволит погаснуть ничему, что стало знаком в культурном взаимодействии. Забвение является также потенциальным воспоминанием»⁵⁵. А культурная память – ресурс для писателя, поэта, художника. О закономерностях «отбора» актуализируемых смыслов речь в случае с творцами культуры, как и в случае с любым другим воспринимающим, не идёт. Подобно автору, реципиент тоже осуществляет интертекстуальное прочтение, ориентируясь на собственное воображение и культурный опыт. Что касается деятельности поэта-«классика» (или «неоклассика»), то она в такой интерпретации чем-то напоминает деятельность профессора в современном германском университете: профессор является самостоятельной «оперативной» единицей и вправе сам разрешать задачи, которые в наших университетах находятся в ведении кафедр.

К кругу авторов, использующих интертекстуальные приёмы и тем самым создающих «модели для воспринимающего и трансформирующего смысл обращения с чужими текстами»⁵⁶, Лахманн относит классиков, в числе которых называет Пушкина, Гоголя, Достоевского, а также неоклассиков, к которым относит акмеистов, Андрея Белого, Набокова, Казакова и других. В творчестве А. Белого и акмеистов (А. Ахматовой и О. Мандельштама) исследовательница видит две парадигмы интертекстуальности. Их особенности она рассматривает, обращаясь к понятию диалога. Характерным для Пушкина и «неоклассиков» (Ахматовой и Мандельштама), по версии Лахманн, является

⁵⁵ Lachmann R. Op. cit. S. 87.

⁵⁶ Lachmann R. Op. cit. S. 73.

преодолевающий границы эпохи «хаотически-прямой диалог с прошлым». Концепцию памяти, близкую А. Белому и его традиции, Лахманн характеризует как «память-скепсис» («который ... воздвигает гигантский театр памяти – чтобы затем его покинуть»)⁵⁷. С точки зрения стратегий смыслообразования один тип представляет собой «уплотнение и усиление смысла», а другой – «смысловую дисперсию». Один из выводов, который формулирует на этой основе Лахманн: «Это значит, культура функционирует в качестве (не передающейся по наследству) памяти, в которой сохранены эстетические и семантические опыты, ставшие текстом»⁵⁸. О культурном значении интертекстуальности: «Интертекстуальная работа текстов состоит теперь в том, чтобы сквозь слои знаков сделать вновь читаемым знаковый ансамбль, который произвёл культуру. Это значит, что на место эволюционного мышления (инновация посредством смены систем) встаёт мышление аккумуляции текстуального опыта»⁵⁹. То есть приёмы интертекстуальной интерпретации рассматриваются как адекватные новой культурной ситуации методы исследования.

Соотношение эстетического и семантического аспектов, то есть вопрос о том, как связаны между собой процесс смыслообразования и возникновение эстетического эффекта, Лахманн рассматривает как одну из проблем, имманентных интертекстуальной интерпретации и представлению о культурной памяти. Не утративший своей значимости материал для обсуждения этой темы исследовательница находит в творчестве крупного филолога XIX в. *Александра Афанасьевича Потебни*. Следуя его концепции внутренней формы слова, произведение не воспринимается и не находит больше понимания в том случае, если его внутренняя форма исчезает из культурной памяти, и оно теряет свою

⁵⁷ Ibid. S.510.

⁵⁸ Ibid. S. 76.

⁵⁹ Ibid. - S. 76.

эстетическую ценность. В терминах современных гуманитарных наук можно было бы сказать, что «код текста» больше не считывается. Лахманн интерпретирует воззрения Потебни следующим образом: «Есть культурный контекст, который в конечном счёте решает, живо ли художественное произведение как механизм значения, или нет. Предполагаемая вечность художественного произведения препятствует неизбежному исчезновению внутренней формы... напротив, художественное произведение мнимо незначительное, преходящего значения может на основе *гибкости образа* претерпеть длительный эстетический динамизм. (...) Этим тезисом Потебня устанавливает связь между механизмом значения художественного произведения и эстетической ценностью, которую произведение может приобрести в определённых коммуникативных контекстах...»⁶⁰. То есть ключ к пониманию процессов возникновения эстетического отношения Лахманн, вслед за Потебней, видит в конечном счёте в коммуникативной перспективе.

Возможность актуализации забытого опыта исследовательница демонстрирует путём сопоставления приёмов интертекстуальной интерпретации с истолкованием сновидений. Прибегая к аналогии, она сравнивает стратегию теоретика интертекстуальности с работой психоаналитика и предлагает обратить внимание на психоаналитическую теорию сновидений, которая развивает идею возвращения в коммуникацию «квази-забытых знаков». Любопытно, что воспринимающий уподобляется при такой аналогии пациенту. И сам процесс интертекстуальной работы, по мысли автора, можно уподобить процессу психоаналитической интерпретации в смысле *выявления вытесненного*, под которым подразумевается *другой* текст. Причём в случае с теорией сновидений речь идёт о рассматриваемых в этом качестве

⁶⁰ Ibid. S.142-143.

визуальных образах. Но интертекстуальность предполагает более многозначное отношение к «вытесненному» (латентному) тексту. Поскольку цитирование (как писал ещё М. Бахтин⁶¹) может иметь разный пафос и разный смысл. Обобщая возможные варианты, Р. Лахманн намечает три текстопорождающие модели. Все три стратегии интертекстуального образования текстов различаются по типу взаимоотношений с текстом-предшественником, в роли которого может выступать художественная традиция, течение или определённый текст. В этом направлении автор выделяет репродуктивную стратегию (предполагающую повторение текста-источника), протестующую (в результате которой текст-предшественник как бы стирается) и видоизменяющую (означающую усвоение чужого текста, в результате чего он оказывается закумуфлирован)⁶². В своей книге Лахманн говорит также о «триаде», которая предполагает выделение «деконструктивного», «консервативного» и «диалогического» типов интертекстуальности.

Два предельных варианта во взаимоотношениях с текстом-предшественником для случаев «образующей сам текст интертекстуальной рефлексии» автор обозначила как «почти трагический спор» (например, у Достоевского), с одной стороны, и «пародийно-орнаментальное присвоение – с другой (Набоков, Казаков)».⁶³ Связь двойного кодирования с такими языковыми явлениями, как шутка, острота, игра слов, согласно Лахманн, указывает на продуктивную роль интертекстуальности в смысле порождения новых языковых правил. (Положение, которое вновь заставляет вспомнить классическую эстетику И. Канта). Причём особое внимание Лахманн обращает на ту тенденцию к «образованию правил»,

⁶¹ «Путем соответствующих способов обрамления можно достигнуть очень существенных превращений точно приведенного чужого высказывания.» (Бахтин М.М. Слово в романе// Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследов. разных лет. М.,1975. С.152).

⁶² Из лекции Р. Лахманн в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова 27.09 – 1.10.1999 г.

⁶³ Lachmann R. Op. cit. S.12.

которая присуща литературе XX в., например, прозе Джойса, Белого и Набокова.

При этом позиция *читателя* интертекстуального текста, если он не является специалистом-исследователем, остаётся всё же неопределённой. От читателя не требуется знание текста-предшественника, а теория интертекстуальности не моделирует его поведение однозначно. Поэтому цитирование может быть замечено воспринимающим при повторном знакомстве с текстом. «...Хотя посредством удвоенного кодирования и его сигналов указываются определённые интертекстуальные пути, но (...) читатель не обязан идти по ним. Он может привнести свой собственный образец чтения и осуществить запрограммированную смысловую конструкцию только как одну среди возможных других»⁶⁴. Поэтому в качестве постулата принимается утверждение о том, что текст, порождённый в интертекстуальном процессе, «требует акта чтения, который никогда не может достичь однозначного согласия с ним»⁶⁵.

Возможность восприятия и понимания существенно зависит от историко-культурных условий, является, по словам Лахманн, обусловленной горизонтом. В рецептивной теории В. Изера есть понятие, фокусирующее принадлежность автора и воспринимающего к общей культурной модели – это понятие «имплицитного читателя», указывающее на условия возможности понимания. Так, филолог Майкл Риффатер говорит о коде произведения и коде читателя: тип восприятия зависит от степени различий между ними. Хотя латентной интертекстуальность может быть не только потому, что код произведения успел исчезнуть из культурной памяти. Например, в ситуациях, когда цитирование рассчитано на определённые культурные сообщества, на «своего» читателя/зрителя, которому известны используемые в произведении коды. Именно этот тип

⁶⁴ Ibid. S.86.

⁶⁵ Ibid. 73.

интертекстуальности встречается в постмодернистской практике. Но его Лахманн в данном контексте не затрагивает, останавливаясь на художественной практике модернизма и характерных для него способах обращения с традицией. Вопрос о том, насколько возможна вариативность в подборе текста-предшественника и какую роль играет в действительности референтный сигнал (стимула для разворачивания воображения и фантазии или проводника определённых интенций) всё же остаётся открытым. И в этом отношении интертекстуальность оказывается перед лицом тех же проблем, что и более традиционные варианты интерпретации.

Современные исследователи, как показывает Р. Лахманн, рассматривают *смыслообразование* уже не как статичный факт, а как *процесс*. В частности, интертекстуальный процесс, перерабатывающий «смысловые образцы других текстов»⁶⁶. Интертекстуальность в трактовке Р. Лахманн представляет собой не столько приём, сколько исследовательскую программу, позволяющую на определённых этапах задействовать и герменевтические, и структурно-семиотические подходы к интерпретации, то есть концепцию междисциплинарных исследований. Это *интегративный* подход к интерпретации, не отменяющий другие методы работы с текстом, а предполагающий их включение и объединение в рамках общего замысла. Исходным для этого замысла становится представление об интертекстуальности как наиболее адекватной модели, позволяющей уловить специфику современных динамичных культурных процессов. Стремление модернизировать методы работы с письменным текстом путём синтеза герменевтики с другими направлениями в философии языка (считавшимися ранее конкурирующими) находится в русле методологических исканий современных гуманитарных наук в Германии. В исследовании Лахманн интертекстуальность предстаёт как

⁶⁶ Ibid. S.73.

возможность выхода за пределы накопленных аналогий, как подход, который позволяет уловить ту динамичную сферу пересечения и трансформации значений, которая ускользала от традиционных форм интерпретации, которые фиксировали уже свершившийся статичный процесс.

А теперь о вопросах, которые для теорий интертекстуальности так и остались камнем преткновения. Причём само их возникновение весьма показательно как для сложившейся культурной ситуации, так и для методологии гуманитарных наук. На завершающем этапе интертекстуальная интерпретация фиксирует либо родственный культурный контекст, либо контекст происхождения текста. То есть подводит к выявлению культурных кодов, значимых для рассматриваемых произведений. При этом если рецептивная теория предполагала учитывать в процессе интерпретации историю восприятий интерпретируемого текста, то интертекстуальность движется в том же направлении, подразумевая гипотетическую возможность апелляции уже ко всей истории мировой культуры. То есть интертекстуальные приёмы заостряют проблему «выбора традиции» в каждом акте восприятия. Эта предпосылка не проговаривается, но, как представляется, она свидетельствует о принадлежности установки на интертекстуальное прочтение скорее к культуре модерна. В качестве исследовательского подхода интертекстуальность функционирует как способ преодоления (а точнее, организации) *методологической эклектики*, ставшей очень распространённым явлением в последней четверти XX в., как попытка облечь в теоретическую форму неформальные, «остаточные» приёмы, не вписавшиеся в существующие методы гуманитарных наук.

То обстоятельство, что одним из результатов интертекстуальной интерпретации оказывается идентификация культурного родства, причём не только в диахронном измерении, является симптомом и проявлением

определённых *сдвигов в методологии* гуманитарных наук. Очевидно, что проблема смыслообразования пересекается с исследованиями межкультурных (межтекстовых) взаимодействий в их *динамическом* аспекте. Акцент в исследовании проблем смыслообразования всё больше смещается в сторону культурологически ориентированных изысканий. То есть интертекстуальность, применимая к исследованиям литературных текстов, кинотекстов и др., превратилась впоследствии в более широкую исследовательскую модель (послужив в свою очередь, «текстом-предшественником» для возникновения таких понятий, как «интермедиальность»).

Контрольные вопросы

1. Что означает понятие «интертекстуальность»?
 2. Что считается свидетельством наличия в тексте интертекстуальных структур?
 3. Как охарактеризовал межтекстовые взаимосвязи М.М. Бахтин?
-